

**ПИСЬМО ИЗ ТЕМНОТЫ: Рец. на кн.: СЕРГЕЙ КАН.
ЛЕВ ШТЕРНБЕРГ: ЭТНОЛОГ, НАРОДНИК,
БОРЕЦ ЗА ПРАВА ЕВРЕЕВ / Пер. с англ. А. Глебовской.
СПб.; Бостон: Библиороссика; Academic Studies Press, 2023. 694 с.
(Современная иудаика)**

Дмитрий Владимирович Арзютов

Университет штата Огайо
1775 Колледж Роуд, Колумбус, США
arzyutov.1@osu.edu

А н н о т а ц и я: Рецензия на русский перевод книги Сергея Кана «Лев Штернберг: этнолог, народник, борец за права евреев» написана в форме письма ее герою и приглашает читателя к размышлению над некоторыми радикальными изменениями, произошедшими с советской и российской этнографией в течение двадцатого и первых двух десятилетий двадцать первого столетия. Автор обращает особое внимание на социальный и политический контекст этих изменений, которые значительно повлияли на интерпретацию самой фигуры Штернберга и его идей в советское время и сегодня. Этот литературный эксперимент продолжает рассуждения автора о необходимости пересмотра истории антропологии и возвращении ее в пространство антропологии как таковой, или, как писал еще в 1960-е гг. американский антрополог Альфред Ирвинг Хэллоуэлл, концептуализации истории антропологии как антропологической проблемы. Под возвращением автор понимает восстановление диалога между историей антропологии и историей сообществ, которые изучали и изучают антропологи, а также построение связей между историей антропологических идей и текущими дискуссиями как внутри дисциплины, так и за ее пределами. Такие изменения, по мнению автора, могут значительно расширить стили антропологического письма и выявить новые генеалогии антропологического знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Штернберг, Сибирь, советская этнография, антропологическое письмо, история антропологии. **Д л я с с ы л о к:** Арзютов Д. Письмо из темноты: Рец. на кн.: Сергей Кан. Лев Штернберг: этнолог, народник, борец за права евреев / Пер. с англ. А. Глебовской. СПб.; Бостон: Библиороссика; Academic Studies Press, 2023. 694 с. (Современная иудаика) // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 230–235.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-230-235

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/arzyutov.pdf>

**LETTER FROM THE DARKNESS: A Review of SERGEI KAN,
LEV SHTERNBERG: ETNOLOG, NARODNIK, BORETS ZA PRAVA EVREEV
[LEV SHTERNBERG: ANTHROPOLOGIST, RUSSIAN SOCIALIST,
JEWISH ACTIVIST], transl. from English by A. Glebovskaya.
St Petersburg; Boston: Bibliorossika; Academic Studies Press, 2023, 694 pp.
(Contemporary Jewish Studies)**

Dmitry Arzyutov

The Ohio State University
1775 College Road, Columbus, USA
arzyutov.1@osu.edu

Abstract: The present review of the Russian translation of Sergei Kan's book *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist* constitutes a literary experiment. It endeavors to engage in a dialogue, presented in the form of a letter, with the central figure of the book, Lev Shternberg, the co-founder of Soviet and Russian anthropology, regarding the significant transformations it has undergone throughout the 20th century and the first two decades of the 21st. The author pays close attention to the social and political contexts of these changes and how they affected the interpretations of Shternberg's persona and ideas in Soviet times and today. This experiment extends the author's reflections on the necessity of revisiting the history of anthropology and reintegrating it into the field itself. As American anthropologist Alfred Irving Hallowell suggested in the 1960s, we should conceptualize "the history of anthropology as an anthropological problem." By this, the author intends to reconstruct a dialogue between the history of anthropology and the communities with whom anthropologists have engaged, as well as to foster connections between the history of anthropological ideas and ongoing discussions both within and beyond the discipline. These changes, as the author argues, have the potential to significantly expand the styles of anthropological writing and reveal new genealogies of anthropological knowledge.

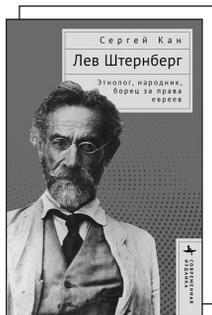
Key words: Shternberg, Siberia, Soviet anthropology, anthropological writing, history of anthropology.

To cite: Arzyutov D., 'Pismo iz temnoty [Letter from the Darkness]: A Review of Sergei Kan, Lev Shternberg: etnolog, narodnik, borets za prava evreev [Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist], transl. from English by A. Glebovskaya. St Petersburg; Boston: Bibliorossika; Academic Studies Press, 2023. 694 pp. (Contemporary Jewish Studies); *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 230–235.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-230-235

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/arzyutov.pdf>

Рец. на кн.: **Сергей Кан. Лев Штернберг: этнолог, народник, борец за права евреев** / Пер. с англ. А. Глебовской. СПб.; Бостон: Библиороссика; Academic Studies Press, 2023. 694 с. (Современная иудаика)

Рецензия на русский перевод книги Сергея Кана «Лев Штернберг: этнолог, народник, борец за права евреев» написана в форме письма ее герою и приглашает читателя к размышлению над некоторыми радикальными изменениями, произошедшими с советской и российской этнографией в течение двадцатого и первых двух десятилетий двадцать первого столетия. Автор обращает особое внимание на социальный и политический контекст этих изменений, которые значительно повлияли на интерпретацию самой фигуры Штернберга и его идей в советское время и сегодня. Этот литературный эксперимент продолжает рассуждения автора о необходимости пересмотра истории антропологии и возвращении ее в пространство антропологии как таковой, или, как писал еще в 1960-е гг. американский антрополог Альфред Ирвинг Хэллоуэлл, концептуализации истории антропологии как антропологической проблемы. Под возвращением автор понимает восстановление диалога между историей антропологии и историей сообществ, которые изучали и изучают антропологи, а также построение связей между историей антропологических идей и текущими дискуссиями как внутри дисциплины, так и за ее пределами. Такие изменения, по мнению автора, могут значительно расширить стили антропологического письма и выявить новые генеалогии антропологического знания.

Ключевые слова: Штернберг, Сибирь, советская этнография, антропологическое письмо, история антропологии.

Письмо из темноты

Получив любезное приглашение издательства «Библиороссика» написать рецензию на русский перевод книги Сергея Кана «Лев Штернберг: этнолог, народник, борец за права евреев» (“Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist”, 2009), вышедший в серии «Современная иудаика», я долго думал о самом жанре рецензии на биографические книги, в частности на биографии антропологов (этнографов). С одной стороны, биография остается по-прежнему одним из конвенциональных жанров в истории науки, о чем говорит, например, известная книжная серия “Critical Studies in the History of Anthropology”, которая публикует преимущественно биографии известных антропологов (в ней и вышел оригинал рецензируемой монографии). С другой стороны, такие книги составляют фундамент для дальнейшего анализа сложных переплетений в истории мысли и политике знания.

Дмитрий Владимирович Арзютов
Университет штата Огайо,
Колумбус, США
arzyutov.1@osu.edu

Мне не хотелось повторять уже сказанное моими коллегами в рецензиях на английское издание книги (Сергеем Алымовым, Дэвидом Андерсоном, Татьяной Аргуновой-Лоу, Еленой Михайловой, Шаулем Штампфером и др.), тем более что все они, несмотря на некоторые критические комментарии, сходились в одном — работа Сергея Кана безукоризненна с точки зрения обобщения фактического материала. Кроме того, как и другие книги автора, она увлекательно написана и возвращает читателя в мир медленного чтения, где историческое исследование создается не только вокруг основной идеи или вопроса, но и, что не менее важно, через изящно построенный нарратив. Ровно такое же впечатление у меня осталось и от первоклассного перевода, выполненного Александрой Глебовской, в котором я узнавал голос автора, его интонации и манеру излагать свои мысли, известные мне благодаря нашему многолетнему знакомству. Внимательно прочитав английский вариант книги после ее выхода в 2009 г., я вижу, насколько бережно переводчик отнесся к английскому оригиналу.

Получив наслаждение от текста, я все же хотел немного поэкспериментировать с рецензией. Причин для эксперимента было несколько. История российской и советской этнографии по-прежнему остается малоизвестной и недостаточно популяризованной «дома». Большинство работ, публикуемых на русском, являются «агиографическими». В них пересказываются основные вехи жизни того или иного исследователя прошлого, подчеркивается его/ее значение для истории науки, но парадоксальным образом оставляются в стороне траектории мысли и тем более перипетии политической активности. Последняя порой намеренно затушевывается российскими биографами или вовсе игнорируется, и в результате читателю предлагается стерильное и тщательно охраняемое пространство «чистой науки». При взгляде на такие тексты сегодня, после многолетних усилий социологов и историков науки, мне кажется крайне необходимой ревизия этой традиции намеренной деконтекстуализации.

Еще одна причина, подтолкнувшая меня к экспериментальному письму, заключается в неудобстве линейного нарратива в истории антропологии — дисциплине, которая постоянно имеет дело с отличными от западных концепциями времени и истории. Преодоление этого неудобства мне видится в возвращении истории антропологии в антропологию как таковую, о чем мне уже приходилось писать.

Чтобы ответить хотя бы на некоторые из этих вопросов, я решил написать письмо главному герою книги — Льву Яковлевичу Штернбергу, в котором делюсь своими мыслями о недавнем переводе книги о нем.

* * *

From: My contacts**Subject:** Письмо из темноты**To:** Leo Sternberg

Дорогой Лев Яковлевич,

Много лет собирался Вам написать, да все никак не мог выбрать подходящего момента. Теперь, кажется, он настал, и повод более чем достойный — вышла Ваша биография на русском языке, написанная американским антропологом и историком Сергеем Каном, одним из «потомков» многочисленной и разветвленной боасовской антропологической семьи. Ваш старый друг и коллега Франц Боас превратился за эти годы в «отца» американской антропологии, от которого, как теперь говорят историки антропологии, тянутся «невидимые генеалогии» американистской антропологической традиции. В каком-то смысле книга о Вас — вплетение в эту самую традицию. Это перевод монографии, вышедшей на английском языке в 2009 году, которая наконец-то стала доступной и на русском в те дни, когда российская культура пытается деколонизироваться под грохот военных орудий и солдатских сапог.

Признаюсь, дорогой Лев Яковлевич, что писать Вам о книге о Вас не так просто. Вы еще при жизни были знаковой фигурой для советских этнографов, особенно для тех, кто занимался Сибирью и Севером. Ваше имя знакомо буквально каждому современному российскому антропологу. Но, увы, за пределами нашего по-прежнему очень небольшого цеха история российской и советской этнографии известна настолько плохо, что даже Ваше отчество в краткой аннотации книги ошибочно указано как «Николаевич». Дело в том, что с конца 1920-х в советской этнографии были разные фигуры, порой весьма сомнительные. И вот ведь какая странная ирония, что одной из таких одиозных фигур был Ваш тезка — Лев Николаевич Гумилев, которому удалось завоевать популярность, став для некоторых читателей едва ли не синонимом слова «этнография». Видимо, его имя и сбилось с толку издателя. А может статься, что я неправ и имя Льва Николаевича Толстого, как и в годы Вашей юности, затмевает всех прочих «Львов». Но, как бы то ни было, Вы не обижайтесь, бога ради, это лишь опечатка!

Совсем уж стыдно признаться в другом: до сегодняшнего дня, кроме Вашей биографии, интеллектуальных биографий тех, кто вместе с Вами реформировал этнографию в поздней Российской империи и раннем Советском Союзе, — Владимира Богораза и Владимира Йохельсона — так и не появилось. Конечно, есть масса статей, где разбираются разные теоретические аспекты

Вашего наследия или невероятные истории, которые случались с Вами и Вашими коллегами, но книжных биографий на русском, которые бы не очерчивали историю антропологии национальными границами, по-прежнему единицы.

Долгое время историки науки знали о Вашей судьбе как революционера и этнографа благодаря книге Вашей ученицы Нины Ивановны Гаген-Торн (она вышла в 1975 году, а позже, в 2013, были опубликованы дополнительные материалы к ней). Она писала о Вас с таким восхищением, что некоторые из фрагментов ее книги, как, например, «заповеди этнографа», которые Вы то ли в шутку, то ли всерьез сформулировали вместе с Владимиром Германовичем, стали академическим фольклором. Их и сегодня читают студентам как своеобразное кредо этнографа, несмотря на то что на отдельные из этих «заповедей» мы стали смотреть совсем по-другому.

Нина Ивановна, бывшая Вашей студенткой, не могла затрагивать целый круг тем: писать о Вашем вкладе в еврейскую этнографию и тем более о Вашей принадлежности к еврейской культуре. Эти темы считались в разные периоды или опасными, или попросту нежелательными. Невозможно оказалось рассказывать и о судьбах Ваших учеников, многие из которых сгинули в годы сталинской тирании. Вы ведь и сами предчувствовали недоброе после 1918 года, неправда ли? Вы были арестованы во время так называемого Кронштадтского восстания, да и обсуждали это все с Вашими друзьями — Владимиром Ильичом и Владимиром Германовичем. Впрочем, зачем мне повторять в своем письме к Вам то, что Вам и так хорошо известно... Нина Ивановна все это рассказала в литературной форме, но при этом, как мне и некоторым моим коллегам кажется, перемежая свой рассказ неявными воспоминаниями о собственных годах, проведенных в сталинских лагерях. Нет-нет, Вы все правильно прочитали — «в лагерях». Да, она провела 11 лет в лагерях на Колыме и в Мордовии, и этот ее опыт, как и опыт очень многих других, был, увы, куда страшнее Вашей ссылки на Сахалин...

Вообще, дорогой Лев Яковлевич, книга о Вас сегодня — у нас тут на дворе 2024 год — читается совсем по-другому, чем когда о Вас писала Нина Гаген-Торн и даже чем когда в 2009 году Сергей Кан выпустил английский вариант Вашей биографии. Я сам (судя по нашей разнице в возрасте, я гожусь Вам в академические праправнуки) стал смотреть на многое иначе. То, что мне раньше в поколении Ваших друзей и коллег казалось несколько преувеличенным (народничество, политический активизм и т.д.) на фоне привычных упоминаний Ваших заслуг в этнографии, перевернулось и теперь видится едва ли не самым важным. Это связано не только с событиями последних двух

лет, но и с тем, что культурный эволюционизм, которому Вы служили верой и правдой, сегодня занимает больше историков науки, чем этнографов-полевиков. Оборачиваясь назад, мы видим, что эволюционизм как всеобъемлющая теория, пустившая корни в поздней Российской империи и раннем Советском Союзе, стал основой «государственных идеологий», особенно когда это касалось управления этническими группами, которые Вы с коллегами картографировали, работая в Комиссии по составлению этнографических карт России при Императорском Русском географическом обществе.

Если я правильно помню, именно в те годы Вы писали свой по-прежнему интересный для историков и антропологов текст «Инородцы» для сборника «Формы национального движения в современных государствах»? Не хотел огорчать Вас, Лев Яковлевич, но столь нелюбимый Вами империализм снова обволакивает российскую этнографию.

Сергей Кан в своей книге о Вас все эти части большой истории не только собрал воедино, но и вернул на свое место, рассказывая о Вас как о революционере, еврейском активисте и этнографе (переводчик, правда, предпочла назвать Вас «этнологом», чему, я думаю, Вы бы не противились, правда?). Вы прекрасно знаете, что любому, кто работал в этнографическом «поле» или в исторических архивах, знакомо чувство, когда даже при избытке материала кажется: что-то осталось еще непонятым и всегда есть то ненайденное, что может изменить всю картину... Так и Ваша невероятная биография в каком-то смысле начало рассказа, а не его финал. Сергей продолжает активно публиковать статьи о Вас и о многих Ваших друзьях и знакомых (Владимире Богоразе, Моисее Кроле, Александре Голденвейзере и других), готовит большую работу о Поле Радине. И мы все постоянно обращаемся к тому наследию, которое было сформировано в Вашу эпоху. Это наследие одних восхищает, других пугает. Пугают последствия. Со времени Вашей прикладной работы историки этнографии (в том числе советской) немало написали о роли этнографов в формировании советской политики, проанализировав, как «государственные этнографы» оказались, по своей воле или против нее, втянутыми в превращение страны, как сказал один наш коллега, в подобие коммунальной квартиры (Вы ведь успели побывать в таких квартирах в Петрограде?), расселившей по комнатам не семьи, но народы.

Я увлекся, и письмо получилось довольно пространственным и, возможно, немного пристрастным. Но ведь Вы всегда учили своих студентов спорить и задавать неудобные вопросы, оставаясь, впрочем, верным самому пафосу этнографии с ее экуменистическими и пацифистскими идеалами. Любящие Вас ученики

поставили на Вашей могиле памятник, на котором установлен гранитный шар с фразой из Ваших лекций: «Все человечество едино». Знали бы Вы, дорогой Лев Яковлевич, как эти слова важны для нас сегодня!

С уважением и благодарностью,
<имярек>

Дмитрий Арзютов

Letter from the Darkness: A Review of Sergei Kan, *Lev Shternberg: ethnolog, narodnik, borets za prava evreev* [Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist], transl. from English by A. Glebovskaya. St Petersburg; Boston: Bibliorossika; Academic Studies Press, 2023, 694 pp. (Contemporary Jewish Studies)

Dmitry Arzyutov

The Ohio State University
1775 College Road, Columbus, USA
arzyutov.1@osu.edu

The present review of the Russian translation of Sergei Kan's book *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist* constitutes a literary experiment. It endeavors to engage in a dialogue, presented in the form of a letter, with the central figure of the book, Lev Shternberg, the co-founder of Soviet and Russian anthropology, regarding the significant transformations it has undergone throughout the 20th century and the first two decades of the 21st. The author pays close attention to the social and political contexts of these changes and how they affected the interpretations of Shternberg's persona and ideas in Soviet times and today. This experiment extends the author's reflections on the necessity of revisiting the history of anthropology and reintegrating it into the field itself. As American anthropologist Alfred Irving Hallowell suggested in the 1960s, we should conceptualize "the history of anthropology as an anthropological problem." By this, the author intends to reconstruct a dialogue between the history of anthropology and the communities with whom anthropologists have engaged, as well as to foster connections between the history of anthropological ideas and ongoing discussions both within and beyond the discipline. These changes, as the author argues, have the potential to significantly expand the styles of anthropological writing and reveal new genealogies of anthropological knowledge.

Keywords: Shternberg, Siberia, Soviet anthropology, anthropological writing, history of anthropology.